

носовых гласных (претерпевших, однако, известные изменения) можно объяснить воздействием балтийского субстрата. В пользу гипотезы о субстратном происхождении мазурения говорит и наличие в Мазовше балтийской топонимики и ономастики.

По мнению А. М. Селищева¹, польское мазурение должно быть поставлено в связь со сходными явлениями в сербохорватском, полабском², нижнелужицком и русском³. Везде шипящие были вытеснены свистящими под влиянием таких языков, в фонетической системе которых не было аффрикат *č*, *ž* или *š*.

Даже если принять точку зрения, отстаиваемую П. Я. Черных и в особенности М. Ф. Семеновой⁴, согласно которым цоканье, мазурение и подобные явления возникли в разных, но территориально смежных языках, то нужно все же допустить, что источник был один. Ведь и в случае языковых союзов надо считаться с тем, что новообразования возникают все же на известной (одной) ограниченной территории, откуда в дальнейшем и распространяются (если только находят благоприятную почву).

Рассматривая вопрос о роли субстрата в фонетической системе славянских языков, необходимо сказать несколько слов о теории В. Брендаля о наличии в чешском следов кельтского воздействия⁵.

Прежде всего, следует подчеркнуть несостоятельность концепции датского лингвиста, согласно которой кельтский субстрат оказал влияние на большинство языков Европы: не только на романские и германские языки, но и на албанский, греческий и т. д. По его мнению, в чешском также имеются некоторые специфические особенности, не встречающиеся в других славянских языках, черты, возникшие под воздействием кельтского элемента. Это дифтонгизация закрытых гласных *ī* > *oi* > *au*; *i* > **ej* > *aj*, которая не могла произойти под влиянием немецкого языка. Для нее В. Брендаль находит соответствия в голландском и английском, где также возникло под кельтским воздействием. Однако, объяснение этого явления нельзя искать в субстрате. Вообще для чешского характерна дифтонгизация всех долгих (не только закрытых) гласных. Это явление не стоит особо, т. к. у некоторых гласных оно наблюдается и в других славянских языках (польском, сербском, русском и украинском)⁶.

¹ Славянское языкознание, стр. 331.

² В полабском согласные *č*, *š*, *ž* были заменены *c*, *s*, *z* под влиянием нижнесаксонского диалекта немецкого языка. Об этом см. А. М. Селищев, *ук. соч.*, стр. 431. О мазурении в полабском см. Т. LEHR-SPLAWIŃSKI, О «mazurzeniu» w języku połabskim, «Slavia Occidentalis», IX, 1930, стр. 354—355.

³ Употребление свистящих вместо шипящих в русских говорах Сибири может быть якутской чертой. См. и Д. К. Зеленин, *ук. соч.*, стр. 58.

⁴ См. выше вопрос о происхождении цоканья.

⁵ V. BRONDAL, *Substrat et emprunt en roman et en germanique. Étude sur l'histoire des sons et des mots*, Copenhague — București, 1948, стр. 129.

⁶ См. и А. Г. ШИРОКОВА, *Чешский язык*, Москва, 1961, стр. 80. Относительно перехода *a* > *ě* > *e* в чешском, проф. Ив. Леков говорит (*ук. соч.*, стр. 64), что ошибочно было искать его причины в чуждом влиянии; но и объяснение с помощью внутренних законов развития языка тоже неудовлетворительно. В данном случае автор говорит о сингармонизме и допускает связь этого явления с ана-